

ПОЛЕМИКА МЕЖДУ Б. И. ЯРХО И Г. Г. ШПЕТОМ О ГРАНИЦАХ НАУЧНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В СТЕНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК

Чинция Кадаманьяни
(Пиза)

Творческое наследие выдающегося философа Г. Г. Шпета (1879–1937) было открыто совсем недавно: в самом начале 1990-х гг. исследователи стали обращать внимание на его идеи как предшествующие семиотическим теориям [Иванов 2004; Почепцов 1998; Фещенко 2008; Steiner 1991; Tichanov 2009; Venditti 1994]. Фигура крупного литературоведа Б. И. Ярхо (1889–1942) также долгое время оставалась в забвении и была впервые представлена публике М. Л. Гаспаровым на волне тенденции к использованию методов естественных наук, которая отмечалась в гуманитарных исследованиях в конце 1960-х гг. [Гаспаров 1969].

Ярхо и Шпет играли первостепенную роль в русской гуманитарной науке 1920-х гг.: оба принимали активное участие в обсуждениях работ Московского Лингвистического Кружка (МЛК) и впоследствии в заседаниях Государственной Академии художественных наук (ГАХН). Но, за редкими исключениями [Depretto 2009; Hansen-Löve 2011], их имена до сих пор едва ли упоминаются в западной литературе о «московском» формализме. На карикатуре Кукрыниксов, с подписью «О ГАХНе, Когане и Шпете» [Кукрыниксы 1929], отражена позиция обоих ученых в полемике, происходившей в ГАХНе. К имени Ярхо сделана приписка: «Руководство по выхолащиванию смысла», Шпета — «нероттердамский Похвала Глупости». Здесь содержится явная аллюзия на взгляды Ярхо, согласно которым в произведении не важна сама идея (ее, по мнению ученого, может и не быть), а пропорции между разными литературными формами. Шпет же высмеивается за его антимарксистские взгляды, уже не соответствующие новой линии Академии, вице-президентом которой он стал в 1924 г.

Целью настоящей статьи является анализ основных положений дискуссии между Ярхо и Шпетом «О границах научного литературоведения» (осень 1924 г.) — событие, ставшее решающим в оформлении различных литературоведческих теорий в ГАХН.

В общих чертах эта тема была уже рассмотрена специалистом по творчеству Ярхо М. Акимовой [Акимова 2006]. В статье мы рассмотрим неизданные прения по докладам Ярхо и Шпета, что поможет охарактеризовать расхождения в их научных воззрениях и понять, почему теория «формалиста» Ярхо стала одиноким голосом в научном сообществе 1920-х гг.

Главные расхождения в подходах оппонентов следующие:

1. Эмпиризм *contra* феноменологии, или, как считает Александр Митюшин, против платонического рационализма [Mitjušin 1994]. Ярхо называет литературное произведение явлением внешнего мира, которое воспринимается при помощи слухового ощущения, логических и ассоциативных актов и реальных эмоций. По мнению же Шпета, эстетический объект является «отрепленным» от прагматической действительности и представляется прежде всего как синсематическое выражение, которое надо изучать только при помощи эвристических методов критики и интерпретации.

2. Индукция *contra* синтетико-дедуктивного метода. Ярхо считает, что научное определение литературных явлений может производиться только от части к целому. Главную роль в его анализе литературного факта играют статистический подсчет признаков и их сравнение. Для Шпета индукция — не доказательный метод, присущий науке, а эвристический прием. Он предпочитает, наоборот, дедуктивный подход и часто прибегает к использованию логических алгоритмов.

3. С предыдущим пунктом тесно связана третья дихотомия — позитивистский механицизм *contra* органицизма. Ярхо отрицательно относится к органической школе, потому что «исходить из целого, из идеи в истолковании литературного произведения методологически неправильно. Идеи может и не быть. Нельзя же идти от потенциально пустого места»¹. Однако понятие механицизма у Ярхо довольно своеобразное. На самом деле он полагает, что «определение литературного целого (произведения, жанра, эпох) производится не путем перечисления всех частей (что немислимо), а лишь приведением минимального количества частей, совокупность коих отличает данное целое от смежных целых» [Ярхо 1925: 60].

¹ РГАЛИ. Ф. 941. Ед. хр. 6. П. 25. Л. 9.

В замечаниях к докладу Ярхо вызывает удивление факт, что те идеи, которые сегодня воспринимаются большинством исследователей как сугубо объективные (вплоть до вивисекции литературного факта), были тогда обвинены многими в субъективизме. Например, профессор и историк литературы Н. Гудзий (сторонник социологического подхода) полагал, что «стремясь к объективизму, докладчик грешит субъективизмом над литературной формой и подразумевает совокупность элементов, способных возбуждать эстетическое чувство в положительную или отрицательную сторону»². Гудзий критикует и упрощение причинного подхода к истолкованию литературных явлений. По мнению оппонента, это упрощение заставляет его игнорировать историцизм и устранять анализ биографии писателей из литературоведения. Лингвист Н. Жинкин — ученик Шпета и соавтор журнала «Художественная форма» — обвинял в субъективизме все содержание доклада, являющееся, по его мнению, не достаточно систематичным и лишенным логической доказательности. Как и Гудзий, Жинкин считает мало убедительным определение художественной формы, предложенное Ярхо, «так как оно основано не на природе изложения, свойственного литературным произведениям, а на природе восприятия последних»³. Шпет заметил, что такие ошибки возникли у докладчика из-за того, что он предпочитал эмпирический метод, отказываясь от всякого умозрительного момента в решении вопросов методологии.

Последователь интуитивизма Ф. Бережков — единственный философ, который подчеркивает научное значение доклада Ярхо, призывая, однако, точнее объяснить вопросы о заимствовании и случайном совпадении литературных фактов. Идеи Ярхо в еще большей степени не вызывают энтузиазма у литературоведов и лингвистов: защищая социологический подход к литературе, Р. Шор, например, призывает Ярхо к созданию литературоведения на основе анализа структуры художественного слова. Б. Грифцов, в то время уже начавший работать над своей «Теорией романа», и переводчик Б. Столпнер упрекают Ярхо в том, что он замалчивает значимость проблемы композиции и не признает первостепенную роль идей в литературе. М. Петровский отмечает

² РГАЛИ. Ф. 941. Ед. хр. 6. П. 25. Л. 3.

³ Там же.

в докладе смешение методологической проблемы с онтологической и называет его первую часть «замаскированной онтологией». По его мнению, требование построения литературоведения по аналогии с естественными науками носит произвольный характер. Единственный оппонент, сосредоточивший свое внимание на вопросе использования математико-статистических средств при изучении литературных произведений (отличительном признаке методологии Ярхо) — филолог Н. Лямин. Он утверждает, что «формулировка докладчика может навести на мысль, что дело сводится лишь к механическому подсчету». «Подобный подсчет», — говорит он, — «безусловно недостаточен, благодаря неравноценности составных элементов литературных произведений»⁴. Как мы видим, тезисы Ярхо оказались в общем неясными и неосуществимыми.

Первую часть доклада Шпета от 24 ноября 1924 г. слушали больше ста человек. Проф. П. Сакулин открыл прения, выражая сочувствие общей тенденции доклада Шпета и подчеркивая необходимость сотрудничества литературоведов и философов. После него Ярхо сделал ряд замечаний: во-первых, он уточняет, что в литературе нет особой необходимости свидетельств, и отрицает необходимость связи художественного слова с письменным знаком. Он считает, что техническая поэтика, о которой говорит докладчик, объединяет в себе самый разнообразный и случайный материал и что невозможно изучать сюжет как материал, так как можно расчленять и вскрывать только форму. Во второй части прений Шпету предъявлены следующие возражения: философ М. Столяров, помощник А. Белого в совете московского отделения «Вольфилы», заметил, что попытка докладчика изложить задачи литературоведения, не обращаясь к эстетике, не может дать хороших результатов. Его мнение разделили философы М. Каган и А. Саккетти.

Поэт и лингвист Б. Горнунг критиковал способ различения письменной и устной словесности у Шпета и его идею, что литература предохраняет художественную форму слова от дегенерации в устной словесности и, со стороны содержания, служит сохранению прошлого народа. Горнунг же подчеркивает, что закрепление может идти только через типографский знак и что

⁴ РГАЛИ. Ф. 941. Ед. хр. 6. П. 25. Л. 4.

рукопись не дает постоянных форм. На сомнения Горнунга в том, что в литературоведении можно достичь абсолютного закрепления, Шпет отвечает, что важна сама идея записи, хотя сама запись как таковая явление случайное. Фольклорист Ю. Соколов указывает на проблематичность фиксации письменности. Письменность, по его мнению, не дает той полноты, какую дает устная словесность. Философ Т. Райнов, интересующийся проблемами теории и психологии творчества, не согласился с мнением докладчика о недопустимости метода причинно-объяснительного в литературоведении. Этот метод у Шпета основан на двух факторах: 1) природное целое литературоведения; 2) вневременность идеальных мыслей, которые изучают филологические науки. Шпет ответил, что прийти к причинному объяснению можно только через метафизику. Ярхо подчеркнул, что методы фольклора особенные и отличаются от исследования литературы, и что вообще требование письменности приводит к противоречиям.

Приведенные выше замечания имеют сугубо специфичный характер, но все-таки дают нам общее представление о дискуссии Ярхо со Шпетом в контексте литературоведения середины 1920-х гг. Несмотря на противоположные взгляды, ученые внесли важный вклад в теорию структурализма. Шпет особенно подчеркивает телеологический характер литературного факта, рассматривая его с семиотической точки зрения. Его понятие термина «структура» как «внутреннее объединение в целое разных оболочек, которые, облекая одна другую, дают возможность проникнуть в глубину, в сущность, и вместе с тем составляют внутреннее единство» [Виноградов 1975; Шпет 1922–23; 1927] оказало на современников большее влияние, чем статистический подход Ярхо, который был ошибочно воспринят как простой механический подсчет разных литературных форм. Революционная интерпретация Ярхо понятия литературы будет лучше сформулирована десять лет спустя, когда в наброске плана «Методологии точного литературоведения» ученый будет говорить о «системе пропорций и связей между признаками», описывая ее в вечном движении, «причем признаки движутся по кривым разного типа то независимо друг от друга, то сцепляясь попарно или пучками» [Ярхо 2006: 6]. Именно в этом определении заключается вклад Ярхо в структуралистские теории.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов 1975: *Виноградов В. В.* Из история изучения поэтики (20-е годы) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1975. Т. 34. № 3.
- Гаспаров 1969: *Гаспаров М. Л.* Работы Б. И. Ярхо по теории литературы // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1969. Вып. 236.
- Гидини 2008: *Гидини М. К.* Текущие задачи и вечные проблемы: Густав Шпет и его школа в Государственной академии художественных наук // Новое литературное обозрение. 2008. Вып. 91. № 3.
- Иванов 2004: *Иванов Вяч. Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 2004. Т. VI.
- Кукрыниксы 1929: *Кукрыниксы.* О ГАХНе, Когане и Шпете // На литературном посту. М., 1929. № 6.
- Почепцов 1998: *Почепцов Г. Г.* История русской семиотики до и после 1917 года. М., 1998.
- Фещенко 2008: *Фещенко В.* Густав Шпет и неявная традиция глубинной семиотики в России // Критика и семиотика. Вып. 12. Новосибирск; М., 2008.
- Шпет 1922–23: *Шпет Г. Г.* Эстетические фрагменты. Вып. 1–3. П., 1922–23.
- Шпет 1927: *Шпет Г. Г.* Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. М., 1927.
- Ярхо 1925: *Ярхо Б. И.* Границы научного литературоведения // Искусство. 1925. № 2.
- Ярхо 2006: *Ярхо Б. И.* Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы. М., 2006.
- Depretto 2009: *Depretto C.* Le formalisme en Russie. Paris, 2009.
- Hansen-Löve 2011: *Hansen-Löve A. A.* Die Formal-Philosophische Schule in der russischen Kunsttheorie der 20er Jahre // Die vergessene Akademie. Kunstwissenschaft und Philosophie in Russland der zwanziger Jahre. München, 2011.
- Mitjušn 1994: *Mitjušn A. A.* La sfera del linguaggio nella concezione logica di G. G. Špet // Slavia. 1994. № 4.
- Steiner 1991: *Steiner P.* Gustav Špet and the Prague School: Conceptual Frames for the Study of Language // Journal of Comparative Literature and Aesthetics. 1991. Vol. XIV, nos. 1–2.
- Tichanov 2009: *Tichanov G.* Gustave Shpet's Contribution to Philosophy and Cultural Theory. West Lafayette, 2009.
- Venditti 2012: *Venditti M.* K sravneniju metodologij B. Jarcho i G. Špeta // Philologica. М. (в печати).